

Олег РИСС Из суфлерской будки памяти

Скромная цель приводимых ниже заметок – пройти по затерянным следам некоторых небезыntenных театралов и сделать это без отлагательства заставляет хотя бы то, что с каждым годом убывает число осведомленных свидетелей и очевидцев минувших дней.

У того, кто имел возможность разные разности повидать и услышать на своем веку, память, как услужливый суфлер, то и дело подсказывает не то что отдельные реплики, но и яркие эпизоды, живые образы, неизгладимые впечатления о встречах и беседах с ушедшими навеки интересными людьми.

Мне, в частности, статью театралом поневоле довелось в семилетнем возрасте, когда меня впервые привели в Мариинский театр. Давали “Эсмеральду” в бенефис кордебалета. Это был один из последних спектаклей с участием Т.П.Карсавиной – вскоре прославленная балерина навсегда покинула Россию.

В той же Мариинке несколько позднее мне посчастливилось слушать Ф.И.Шалапина в “Фаусте”, И.В.Ершова в “Валькирии”, К.И.Пиотровского (Петраускаса) в “Травяте”. И как бесценный подарок, достались два “шалапинских спектакля” в опере Аксарина (в Народном доме). Великий певец выступал в “Дон Карлосе” и “Дон Кихоте” – жемчужинах оперного репертуара, почему-то сгинувших со сцены в последующие годы.

Волны памяти несут с собой не только крупные факты и величественные образы. То, что больше выделялось, давно отмечено и описано в сотнях воспоминаний. Но есть события и лица, так сказать, второго плана, без которых не всегда будет полной и достоверной картина прошлого. Вот почему хочется рассказать о тех, кто по разным причинам остался не “в фокусе”. Сдается мне, что и они достойны занять свое место в бесконечной театральности летописи.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР В ОПЕРЕТТЕ

Сомнительно, что даже рьяные нынешние поклонники оперетты осведомлены о том, какое значительное место она занимала в театральной жизни Ленинграда на рубеже двадцатых и тридцатых годов. Спектакли этого искрометного жанра ставились одновременно в четырех театрах, тогда как оперы шли в двух театрах, а балет – в одном. Прибавим сюда гастролеров, привозивших нам “Дочь Анго” (Музыкальный театр имени Вл.И.Немировича-Данченко), “Жирофле-Жирофля” и “День и ночь” (Камерный театр).

Разве не впечатляет простая статистика успеха оперетты?! Так, в Малом оперном театре легоаровская “Желтая кофта”

Олег Вадимович РISS (1909–1986) – потомственный петербуржец-ленинградец. Его дедушка по матери А.Ф.Пруссак – почетный профессор Военно-медицинской академии, основоположник российской отоларингологии, а прадед по матери П.П.Семечкин друг художника П.А.Федотова, для печатного воспроизведения работ которого досконально изучил литографию и основал литографскую мастерскую, просуществовавшую до 1917 года.

Закончив в 1925 году среднюю школу, РISS, не имея возможности из-за социального происхождения поступить в университет, становится слушателем Государственных курсов по технике речи. В 1926–1929 годах он, отдавая дань своей склонности к журналистике, учится в Государственном техникуме печати на газетно-журнальном отделении. Еще в школе он становится юнкором “Смены” и автором репортажей с бегов в вечернем выпуске “Красной газеты”. Параллельно с учебной в техникуме сотрудничает с редакцией журнала “Резец”, газетой “Кино”, “Рабочей газетой” и другими газетами и журналами.

По окончании техникума РISS – литературный секретарь ряда газет: “Смены”, “Лесной правды”, в финскую кампанию – армейской газеты “Во славу Родины”, в первый год Великой Отечественной войны – фронтовой газеты “На страже Родины”.

Блокадная дистрофия укладывает его на госпитальную койку и становится причиной демобилизации. Он возвращается в “Смену”, а когда его снова призывают в армию, становится сотрудником дивизионной газеты “Боевые резервы”, а затем редактором отделения печати Политуправления Балтийского флота и одновременно военкором ТАССа по этому флоту. В 1946/47 году он в Эстонском телеграфном агентстве заведует редакцией информации для ТАССа и за границы. Возвратившись в 1947 году в Ленинград, РISS работает корреспондентом и редактором отдела информации в Радиокомитете, но в 1949 году из-за нерусского звучания своей фамилии лишается возможности быть журналистом и вынужден ради хлеба насущного пойти работать корректором в типографию. Его 40-летний трудовой стаж делится ровно пополам: первые 20 лет он журналист, вторые, до ухода в 1969 году на пенсию, – типографский корректор.

Это лишь внешняя канва его жизни, которая не дает ни малейшего представления о том, какой это был человек.

В.Каверин, в семинаре которого РISS учился на курсах техники речи, назвал его “одним из самых способных своих слушателей”.

...Произведения Олега, – вспоминал писатель, – удивительно сходились с его внутренним обликом. Он был благородный, честный, правдивый и добросовестный человек. Именно этим и отличались его очерки от множества других, обсуждавшихся на наших встречах. /.../ Уже и тогда, когда он был еще совсем мальчиком, можно было убедиться в том, что он действует согласно, может быть, еще не осознанной в полной мере нравственной позиции. Эту позицию он сохранил до конца дней.

Залойный книголюб, завзятый театрал, поклонник киноискусства, Олег Вадимович был человек, которого можно было назвать живой энциклопедией. Казалось бы, о чем его ни спроси, тут же получишь точнейшую справку или библиографический совет. Его отличала высочайшая добросовестность в работе и безграничная преданность любому делу, которым он занимался, в том числе и корректуре. Не случайно после его ухода на пенсию редакция журнала “Звезда” пригласила его читать корректуру в качестве “свежего глаза”, и он избавил редакцию и авторов от многих фактических, логических, стилистических ошибок.

Конечно, РISS тяжело переживал отлучение от главной профессии, от любимой журналистской работы. Слишком несоразмерны были его возможности и талант, с одной стороны, и работа корректора, которую он вел, пусть с большой пользой и достоинством, – с другой. Одному из своих постоянных московских адресатов-корреспондентов психологу А.Н.Луку он писал:

Пожалуй, и мне скоро придется обратиться к Вам за советом по психотерапии. Меня в жизни не раз лишали “права на труд”, на почве чего, как я полагаю, и развился невроз, который лет десять назад давал себя знать в сновидениях. Мне упорно снится сон на одну и ту же тему: я видел себя среди товарищей по редакции или в других местах, где я работал, но почему-то все заняты, а у меня работы нет, и это меня так мучает, я чувствую себя лишним, боюсь, что не могу оправдать свою должность и так далее. Сон обычно кончался приступом тахикардии, от которой я просыпался и пил валокардин (17.02.70).

Тем не менее и в работу корректора РISS стал вкладывать все свои знания, всю душу. Мало того, он начал ее исследовать и осмысливать.

Меня всегда влекли люди, писал он мне 6 апреля 1977 года, – которые в своей повседневной работе видели не простое исполнение служебных обязанностей, а поле для широкого осмысления того, что они делают, проявляя желание закрепить достигнутое для тех, кто пойдет дальше по этому пути.

Именно таким человеком был и сам РISS. Именно поэтому корректорскую работу он рассматривал широко, как одно из средств борьбы за точность печатного слова. Именно поэтому он не только старался обобщить свой опыт этой работы, но и обратился к истории корректуры у нас и за рубежом и в конечном итоге стал автором, выпущенных издательствами “Искусство” и “Книга” замечательных книг о корректуре и, шире, о точности печатного слова. Для тех, кто, может быть, не знает этих книг, перечислю их: “Беседы о мастерстве корректора” (1959), “Дозорные печатного слова” (1963), “Что нужно знать о корректуре” (М., 1965; 1973; 1980), “От замысла к книге” (1969), “Семь раз проверь: Опыт путеводителя по опечаткам и ошибкам в тексте” (1977).

Более детальные сведения о жизни и творчестве О.В.Рисса интересующиеся могут почерпнуть из сопроводительной статьи к второму, дополненному изданию его книги “Дозорные печатного слова”, выпущенному посмертно в 1989 году под новым заглавием, “У слова стоя на часах”.

Если бы нужно было подобрать эпиграф для биографии Олега Вадимовича, то лучше всего подошли бы для этого слова В.Каверина:

При всей незаметности того, чему была посвящена жизнь Олега, это была жизнь, я бы сказал, полезного праведника. Забывать о деятельности таких людей не только грешно, но и опасно. Их деятельность необходима, и к ней надо относиться с любовью и осторожностью (09.04.89).

Не случайно хорошо знавший Рисса Сергей Довлатов посвятил ему два радиочерка, где говорил о нем как о человеке редкой культуры и интеллигентности. С ухудшением здоровья в последние годы жизни Рисса все упорнее, все неотвратимее глотает мысль о том, что он может умереть и с ним в небытие уйдет многое из того, чему он был, может быть, единственным оставшимся в живых свидетелем. Поощряемый писателем Л.Пантелеевым, он в разных вариантах пишет воспоминания о ленинградских писателях, журналистах, издательских и типографских работниках, выдающихся шахматистах. Многие из них опубликованы в разных журналах. Часть осталась в рукописи.

Будучи редактором одной из книг Олега Вадимовича Рисса, я сблизился с ним, и наше знакомство переросло в эпистолярную дружбу. Мы переписывались почти тридцать лет. Поскольку я готовил к выпуску последнюю его книгу – “У слова стоя на часах”, вышедшую посмертно, то его домашний архив был передан мне. Среди прочих материалов там была рукопись его воспоминаний “Из суфлерской будки памяти”, отрывок из которых печатается в этом номере “ЭС”.

Олег Вадимович с юности был большим поклонником театра. Начав свой журналистский путь в газете “Брянский рабочий”, он, заведя там отделом культуры и живо интересуясь жизнью местного театра, был введен в его художественный совет. В Брянске он в 1929 году встречался с драматургом Афиногеновым. Любопытные воспоминания Рисса об этих встречах “Брянский рабочий” 6 мая 1984 года напечатал под заглавием “Приезд Афиногенова”.

Главная театральная привязанность Рисса – Театр Комедии под руководством Н.П.Акимова. Он не пропустил, кажется, ни одного спектакля этого театра. Очень переживал, что театр никак не мог оправиться после смерти Акимова.

Хорошо, что современный читатель получает возможность познакомиться хотя с частью театральными воспоминаний Олега Вадимовича Рисса.

Аркадий МИЛЬЧИН

(перелицованная “Страна сме-ха” с новыми номерами, написанными Н.М.Стрельниковым) прошла за девять сезонов 426 раз (рекордное количество среди всех постановок!), “Нищий студент” – 210 раз в двенадцати сезонах, “Боккаччио” – 154 раза в пяти сезонах и так далее.

Отдавая предпочтение классике, Малый оперный не чурался и таких музыкальных новинок, которые во времена беспощадного максимализма презрительно именовались “венщина”. В то же время Театр рабочей молодежи (ТРАМ) показывал комсомольскую оперетту В.М.Дешеева “Дружная горка”. По количеству представлений (без малого 500!) она превосходила даже поставленную со всем “венским шиком” “Желтую кофту”. Разумеется, слушать “дешевовенькую музыку”, как острит один юный композитор, в ТРАМ не шла та публика, которая поклонялась “Жрице огня” и “Сильве”.

Долгое время в этой сфере искусства все оставалось прежним, если не считать того, что музыкальная комедия из частной антрепризы превратилась в государственный театр и из небольшого зала на Невском, 56, переехала в бывший оперный театр Народного дома. Колоссальная вместимость зала позволяла трехчетверо увеличить количество зрителей.

Было время лозунгов. Может быть, сегодня мы и улыбнемся, когда вспомним, в какой простодушной, упрощенной форме это подчас выражалось. Был, например, распространен плакат со стихотворным лозунгом: “Ударник, бей неумоимо – ни одного удара мимо!” Месткомовские деятели оперного театра не нашли лучшего места, где его вывесить как в оркестровой “ямке” возле группы так называемых ударных инструментов – литавр, турецкого барабана, тарелок, треугольников.

Из театров “легкого жанра” выделялась Музкомедия Нардома. Произошло нечто необыкновенное: управление по делам искусств назначило ее художественным руководителем “человека со стороны” – бывшего журналиста, известного театрального критика Моисея Осиповича Янковского (впоследствии доктора искусствоведения, автора ряда серьезных книг по истории театра).

Дилетант во главе труппы! По сложившимся издавна представлениям о закулисной жизни это должно было вызвать бурю возмущения и протестов: “Нет, вы подумайте, каково?..” и прочее и прочее. К чести артистов музкомедии, они приняли нового худрука вполне миролюбиво. Если вначале и пробегал легкий шепоток недоумения, то в дальнейшем все обернулось к общей пользе.

Янковский сумел убедить всех и каждого, что настала пора отказаться от приехавших зрителям опереточных штампов, не сковывать одаренных исполнителей узкими рамками затвердевшей амплуа, заменить безжизненные маски живыми, выразительными лицами. Для этого нет другого способа, как учиться на образцах классического наследия под руководством опытных и требовательных режиссеров музыкального театра.

Окончание на 14-15 стр.